

Миссионеры и Церковь

1. Свою боль я хотел бы выразить не моими словами. Напомню о той горечи, которая наполняла все дневниковые записи святителя Николая, просветителя Японии: «А миссионером здесь пока я один, и то частным образом. Да когда же эта, раскинувшаяся на полсвета, семидесятимиллионная Россия найдет у себя несколько тысяч рублей и несколько десятков людей для того, чтобы исполнить одну из самых существенных заповедей Спасителя? Католичество и протестантство облетели мир. Ужели и здесь Православие ничего не сделает? Нет, не может быть – даст Бог. С этим «даст Бог» я поехал в Японию, с ним ежедневно ложусь спать и просыпаюсь, для него я семь лет бился над японским языком»¹. Проходят годы, иеромонах становится епископом. Но все равно – одиноким. «О, как больно, как горько иной раз душе за наше любезное Православие! Я ездил в Россию звать людей на пир жизни и труда, на самое прямое дело служения Православию. Был во всех четырех академиях, звал цвет молодежи русской – по интеллектуальному развитию и, казалось бы, по благочестию и желанию посвятить свои силы на дело веры, в которой она с младенчества воспитана. И что же? Из всех один, только один отозвался на мой зов, да и тот дал не совсем твердое и решительное слово, и тот, быть может, изменит. Все прочие, все положительно, или не хотели и слышать, или вопрошали о выгодах и привилегиях службы. Таково настроение православного духовенства в России относительно интересов Православия! Не грустно ли? Посмотрели бы, что делается за границей в неправославных государствах. Сколько усердия у общества служить средствами! Сколько людей, лучших людей, без долгой думы и сожаления покидают родину навсегда, чтобы нести имя Христово в самые отдаленные уголки мира! Боже, что же это? Убила ли нас насмерть наша несчастная история? Или же наш характер на веки вечные такой неподвижный, вялый, апатичный, неспособный проникнуться Духом Христовым, и протестантство или католичество овладеют миром, и с ними мир кончит свое существование?» (Запись в дневнике от 04.03.1871 г.)² «Мне грустно-грустно было, что до сих

¹ Спасайте детей: Поучения святителя Иннокентия, митрополита Московского. СПб., 1998. С. 172.

² Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского... Ч. 1. С. 4.

пор из лавры и Москвы нет тружеников для миссии и, прикладываясь к мощам святого Сергия, я не мог воздержаться умственно от жалобы: “Буду судиться с тобою пред Господом – отчего не даешь миссионера в Японию”» (Запись в дневнике от 30.05.1880 г.)¹

В конце концов святитель Николай осознает, что понимания и помощи от русского духовенства он не дожидается, что при жизни ему не будет дано увидеть рост созданной им миссии. «Знать, так и умру я, не дождавшись помощника и преемника. Так бедно Православие миссионерами! А инославных, – Боже, какое необозримое множество их!» (Запись в дневнике от 07.10.1903 г.)² «Протестантский мир в начале двадцатого столетия стоит во всеоружии четырехсот сорока девяти миссионерских обществ со стеною позади них великих Церквей и неисчерпаемых источников... Кстати спросить: у нас же что против заграничных язычников? А вот что. В Китае – отец Иннокентий, да и тот еще вернется ли из России, куда вытребован Синодом; в Корее – отец Хрисанф; да в Японии мы, бедные, вдвоем с отцом Вениамином, что ныне в Нагасаки и годен более для русских, чем для японцев. Итого: четыре миссионера. Господи, возришь ли Ты когда-либо на Православную Церковь “отъяти поношение от Нея?”»³

«В заключение пристали с вопросом: почему же Россия в Индии не имеет Духовной миссии? Все имеют: и американцы, и французы, и немцы, не говоря уже об англичанах, а русской нет – почему?.. Почему, в самом деле? Не пора ли нам шире открыть глаза? Покуда же мы будем краснеть при подобных вопросах за наше немощество?»⁴ «Господи, скоро ли Православие воспитает в своих чадах такую верность по вере?»⁵ «Был в английской Миссии; там опять – новые члены. Господи, откуда у них берутся люди?! А у нас вечно нет никого. Недаром такая грусть одиночества; знать, с нею мне и в могилу лечь придется – не даст Бог утешения видеть выходящими на поле Христово православных миссионеров, которым, собственно, и предназначено поле. Что ж, вероятно, не уедлят после выступить. Дай-то Бог поскорее, хоть и после нас! Мы пусть канем как первая капля, бесследно пропадающая в жаждающей орошения земле»⁶. «Какое обилие христиански настроенных молодых людей в Америке, да и в других странах, кроме России!

¹ Там же. С. 306.

² Там же. Ч. 2. С. 164.

³ Там же. С. 97.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же. С. 135.

⁶ Там же. С. 97.

Скоро ли Православие даст такой цвет?»¹ «Вот у них миссионеров не оберешься: куда захочешь и сколько захочешь – с избытком! Должно быть, еще чрез тысячу лет и в Православной Церкви появится сколько-нибудь подобной живости. А теперь она – птица об одном крыле» (Запись в дневнике от 14.01.1904 г.)²...

2. Миссионерство не есть нечто второстепенное в жизни Церкви. Миссионерство есть образ существования Церкви как таковой.

Христианство – религия социальная. Она не просто провозглашает целью восхождение человека на небо. Она говорит, что у человека еще есть определенные обязанности и дела на земле. Не одна заповедь дается людям, а две. Любовь к Богу и любовь к человеку. *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). Бог, который Сам есть Троица, дарует свою любовь не одинокому беглецу, вдали от людей совершающему свою мистическую авантюру, а собранию, сообществу, людям. Подобное познается подобным. Бог есть Любовь. И то, что Он есть любовь, может быть познано только тем, у кого уже есть опыт любви. *Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?* (1 Ин. 4, 20).

Важнейшее же пожелание любви – пожелание вечного события, вечного нерасставания, то есть пожелание спасения. Христианство – миссионерская религия. Ни один христианин не имеет права считать себя последним христианином на земле. Никто не может полагать, что Евангелие прошло сквозь века и сотни поколений лишь для того, чтобы достигнуть его ушей – и на этом замереть. Истина, поведенная нам, обжигает руки и требует, чтобы ее передали дальше.

Не ангелы разносят Евангелие по земле. В «Духовном луге» рассказывается о святом старце, который совершал Литургию с употреблением еретического Символа веры, но в сослужении ангелов. Встретив возражение со стороны православного, старец спросил ангелов: почему они сами не предупредили его об опасности. «Бог так устроил, чтобы люди были исправляемы людьми же», – был ему ответ³. И поистине – *Как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали? как слышать без проповедующего?* (Рим. 10, 14).

3. По слову о. А. Ельчанинова, чем духовнее священник, тем меньше значит его образованность. Это верно. Но верно и обратное: чем менее духовен пастырь, тем больше значит его образо-

¹ Там же. С. 166.

² Там же. С. 187.

³ *Иоанн Моск. Духовный луг*. С. Посад, 1915. С. 247.

вание. В присутствии Святого немислимы дискуссии; старец – это человек, в присутствии которого умирают вопросы: вот, он ЕСТЬ, и правда его жизни настолько очевидна, что не о чем дискутировать или сплетничать... Но если мы не похожи на святого отца Иоанна Кронштадтского, а люди, все же люди, обращаются к нам с вопросами и через нас вступают в дискуссию с Церковью? Хорошо бы сотворить явное чудо (сокрушить своим перстом языческого идола или сжать кирпич так, чтобы из него исшел огонь и истекла вода) или своей внутренней молитвой повернуть сердце спорщика. Но если это нам не под силу – должны ли мы просто сдаться и замолкнуть с осознанием своего недостойнства? – Нет. Немошь сердца в этом случае должна быть подкреплена усилием мысли и речи. Бог благодатно помогает людям, но не заменяет наш труд, в том числе и труд интеллектуальный, труд проповеднический.

В конце концов не проповедник, а Бог примиряет человека со Своею Церковью. Но есть евангельский эпизод, очень многое говорящий о соотношении действия Божия и усилий человеческих в миссионерском делании. Это концовка Евангелия от Иоанна. Апостолы безуспешно ловят рыбу на Тивериадском море, а воскресший Иисус является им и спрашивает: есть ли у вас что съедное? Апостолы признаются в неудаче: нет. И тогда с берега Христос говорит Апостолам, которые были метрах в 60-ти от берега: закиньте сеть. Они бросают и вытаскивают полные сети. И вот лодка, перегруженная этими рыбами, плывет к берегу... И что же – достигнув берега они начинают чистить рыбу и жарить ее? Нет – оказывается, ужин уже готов. Вот что удивительно в этом евангельском рассказе. С одной стороны, Господь сотворил чудо. Он Сам дал Апостолам рыбу, как некогда Он Сам умножил хлеба. Но Он не просто накормил Апостолов без их труда. Он сказал: вы сначала пойдите и потрудитесь...

Итак, человеческое усилие, стремящееся добиться понимания, должно быть у миссионеров (хотя на него и не стоит чрезмерно полагаться). Проповедовать же надо доступными пониманию наших оппонентов словами и аргументами. А для этого и то и другое необходимо носить с собою. И вновь подчеркну: и слова, и аргументы должны быть понятны не только однокурсникам по Духовной академии, но и тем еще внецерковным людям, ради которых и ведется христианская проповедь.

Да, христианство в глубине своей непостижимо. Да, христианство по сути своей таково, что оно не может стать религией, приятной во всех отношениях. *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!* (Лк. 6, 26). Но как бы не спутать здесь: где есть нечто, непостижимое само по себе, а где есть нечто, не-

понятное просто мне самому. Некоторая грань церковной жизни и веры сама по себе вполне может быть обоснована и объяснена, и эти ее изъяснения есть в традиции церковной мысли. Но просто я поленился найти нужные книги – и потому из своего собственного невежества сделал «апофатическую тайну».

И еще очень легко спутать: где моя собственная несимпатичность, а где «скандальность» самого христианства. На кого испытывает аллергию мой собеседник: на меня, на стиль моей речи и моего обращения с ним или на то Евангелие, которое я ему возвещаю? Вот вопрос, который должен быть перед глазами миссионера. В христианстве есть много такого, что не совместимо с модами века сего. Но было бы легкомысленным сделать отсюда вывод, что звание христианина дает человеку повод просто так, ради «ортодоксального» имиджа, выступать против всего того, чем живет светская культура. Сегодня немало встречается неофитов ортодоксии, которые горделиво шокируют людей радикализмом своей «веры». Что мне, мол, за дело до науки, если я твердо верю, что мир создан за шесть суток по 24 часа?! И я настолько консервативен, что Солнце считаю спутником Земли. И ношу сапоги с поддевкой. И в парикмахерскую не хожу.

Но человек, говорящий другим о Православии, должен устранять недоумения, а не порождать их. В одном сибирском городке мне как-то пожаловалась православная прихожанка, торгующая иконками и книгами (по нынешним временам это – миссионерская должность: именно женщине у свечного ящика приходится больше отвечать на вопросы, чем священнику): «Ко мне часто подходят протестанты и начинают нападать на иконы. А я им говорю: ну как вы можете не признавать икон, если Спаситель Сам создал Нерукотворный Образ, приложив к Своему Лику плат и отослав его царю Авгарю?! Но они почему-то меня не понимают...» Конечно, не понимают, ибо рассказ об Авгаре – это внебиблейское предание (впервые фиксированное в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского в начале IV столетия¹). И для протестантов, признающих авторитет только Библии, этот рассказ не более авторитетен, чем сон, увиденный на прошлой неделе Марьей Ивановой из пятого подъезда. Странно не то, что протестанты не принимают аргумента этой православной миссионерки. Странно, что она сама, неоднократно попадая в подобную ситуацию, так и не попробовала найти другие аргументы. Странно, что она, распространяя православные книги, так и не попробовала прочитать те их разделы, что защищают иконопочитание с помощью библейских аргументов. Странно, что, видя множество душ,

¹ Подробнее см.: Мещерская Е. Н. Легенда об Авгаре. М., 1984.

проходящих мимо Церкви из-за этого недоумения, она не потрудилась запомнить эти три-четыре библейские цитаты, с помощью которых можно было бы защитить Православие...

4. Чтобы быть вполне понятным – миссионер должен говорить на языке внешнем, то есть – внецерковном. Именно потому, что миссионер обращается к нецерковным людям, он не имеет права беседовать с ними на нашем внутрицерковном языке. «О, нам известен язык церковной кафедры и алтаря, который вне церкви звучит как китайский!» – с горечью и с правом воскликнул Карл Барт¹. Впрочем, сначала нужно сказать, что никакого собственно церковного языка нет и быть не может.

Обладание собственным закрытым «эзотерическим» языком есть один из признаков секты. Евангелие написано на подчеркнуто народном языке. Греческий язык Евангелия – это даже не литературный язык, не классический аттический диалект. Это диалект койнэ, своего рода «суржик» Римской империи. Это – греческий для негреков. Во всем Евангелии нет ни одного «термина». Евангелие можно читать без словаря. Для Евангелия вообще характерна какая-то нарочитая, подчеркнутая провинциальность. Слово не просто стало плотью. Оно стало сыном плотника, а не императора. Воплотилось оно у провинциалов-евреев, а не у египтян или эллинов.

В отличие от философа богослов не имеет права выдумывать термины. Каждый крупный философ приходит с целым мешком своим терминов: «трансцендентальная апперцепция» и «эйдетическая редукция», «экзистенциальный анализ» и «феноменологическое видение», «либидо» и «общественно-экономическая формация». А богослов не может позволить себе выдумывать слова – ибо он говорит для людей, а не для специалистов. Он должен подбирать слова как камни на дороге, из этих подобранных, запыленных слов строить храм Слова. Здесь, кстати, и нужна богословская воспитанность – чтобы подбирать слова не слишком запыленные. Богословие – это поиск не наиболее подходящих, но наименее неподходящих слов. «Поскольку слово «единосущный» менее может быть извращаемо, стою за это слово», – открывает тайну богословия св. Василий Великий².

Не так в сектах. Начиная от гностиков и кончая современными оккультистами, секты создают свои искусственные языки. Это им необходимо для того, чтобы исключить возможность критики извне, со стороны. Типичный пример сектантской литературы –

¹ *Барт К.* Очерк догматики. Лекции, прочитанные в Университете Бонна в летний семестр 1946 года. СПб., 1997. С. 52.

² *Св. Василий Великий.* Творения. Ч. 6. С. 44.

«Роза мира» Даниила Андреева. Эта книга написана на не русском языке. Она полна новоизмышленными терминами, которые невозможно анализировать, ибо у них нет никакого смысла вне того, который влагает в них Андреев. Он, и только он, определяет связи между ними, играется ими – и тут можно либо полностью принять его правила игры в бисер (и тогда автор полностью контролирует ваше сознание, определяя один непонятный термин через другой, не менее незнакомый обыденной и научной речи), либо постараться поскорее выйти из игрового пространства этой книги. Диалог с ней невозможен. Ибо будь у читателя хоть три высших образования, он все равно никогда прежде не слышал, что такое «уицраор» и «затомис».

Дивный образчик сектантской проповеди дает книга М. Лайтмана «Кабала»: «После рождения парцуфа Атик в катнут он сам делает зивуг на решимот 4, 3 и рождает таким образом свой гадлут»¹. Это своего рода защита от «непосвященных», невозможная в христианстве. На этом фоне общедоступность Евангелия может казаться чем-то даже ущербным, скандальным. У Владимира Набокова в гностическом «Приглашении на казнь» есть заявление: «В христианстве мне не нравится прежде всего его какая-то подозрительная общедоступность».

Святоотеческая мысль создала, пожалуй, лишь два термина за века своего существования: перихорезис и воипостазирование.

И все же, хоть и пользуется богослов (тем более проповедник, миссионер) языком обычным, светским, не все языковые и стилистические средства этого языка он может использовать. «Евангелие от митьков» все же неуместно. С этим согласны все церковные люди. Две крайности, которых следует избежать, ясны. Но между крайностями и находится поле поиска.

5. Поскольку стиль речи и ход мысли миссионера весьма во многом определяются особенностями той аудитории, с которой он говорит, постольку со стороны той аудитории, к которой он обращен лицом, миссионера подстерегает опасность. Мимикрия проповедника под слушателей неизбежна. Вопрос – в ее целях и ее степени. Чрезмерная степень мимикрии может вызвать аллергию самой же аудитории: «Если ты всего лишь наше отражение – то зачем ты нам такой нужен?!»

Уже много лет людей (как церковных, так и нецерковных, как монахов, так и светскую интеллигенцию) не оставляет ощущение явного диссонанса, возникающее при знакомстве с некоторыми официальными церковными посланиями, выдержанными в странном стиле синтеза советского официоза (канцелярита) и церков-

¹ Лайтман М. Кабала. Тайное еврейское учение. Новосибирск, 1993. С. 139.

нославянской вязи. Есть языки, которые разрушают того, кто пробует ими пользоваться. Таков язык тоталитарных идеологий, таков язык оккультизма. Вот вполне человеческое замечание моего однофамильца – писателя Михаила Кураева, у которого, как я понял из его книг и из личных бесед, нет никакой аллергии на Православие: «Когда с амвона церкви на Смоленском кладбище, куда меня привели скорбные обстоятельства, я слышу в воскресной проповеди: «Осуществляйте повседневный нравственный контроль над собой. Будьте начеку. Ситуация, в которой мы все оказались...» Да это же речь выпускника советской партшколы! И не отличника, а провинциального троечника. Какой черт учил нынешних попов русскому языку?!»¹

Вот еще случай, когда аудитория оказывает обратное влияние на проповедника. Один монах уже немало лет несет послушание духовника местной городской тюрьмы. Этот батюшка сделал очень немало: крестил десятки людей, привел к покаянию сотни людей, тысячам он благовествовал о Христе, помогал сохранить Божий образ... Но однажды, уже у себя в монастыре произнося проповедь при начале Великого Поста, он сказал: «Братья и сестры! Пост – это время, когда каждый из нас должен быть внимателен к своей духовной жизни. В эти дни мы должны внимательнее всматриваться в движения своей души, устранять греховные помыслы. Ну как бы это понятнее вам сказать... В общем, пост – это время, когда каждый из нас должен в своей душе устроить великий шмон!»

Язык, впрочем, – не более чем деталь. Гораздо серьезнее то, что миссионер может незаметно для себя перенять не только язык, но и убеждения своей аудитории.

Миссионер старается сделать Православие понятным. Но где-то есть грань между православной проповедью и православной пропагандой. Пропаганда появляется там, где проповедник заранее просчитывает эффект своих слов и заранее ждет аплодисментов. Он ставит Православие перед аудиторией как некое зеркало и говорит: ну посмотритесь сюда, и вы увидите именно самих себя, увидите нечто свое. Вы увидите, что Православие очень похоже на ту религию, которую вы хотели бы иметь для себя. Оно совершенно согласно с вашей системой «общечеловеческих ценностей». То, что вы цените в других системах, есть и в нашей лавочке. Только у нас это еще малость экзотичнее – так что заходите и берите.

Именно ощущение пропаганды остается у меня от знакомства с книгами некоторых современных западных православных пи-

¹ Михаил Кураев об основах морали. Интервью // Московские новости. 21.03.1993.

сателей (прежде всего – Павла Евдокимова и Оливье Клемана). Их «православие» сродни восточным пряностям неоиндуистских групп типа кришнаитов, сахаджа-йогов или трансцендентальной медитации. Этакий индуизм на экспорт, заранее адаптированный ко вкусам западной публики.

С сеансов православной пропаганды человек уходит успокоенный: оказывается, то, что он ценил в своей жизни и в багаже своих интеллектуально-духовных познаний, ценит и Православие. Что ж, он очень рад, что Православие оказалось «тоже духовно», «тоже терпимо», «тоже современно». Вот только за что же убивали и убивают христиан язычники – он так и не поймет и не узнает.

Впрочем, и это еще не самое печальное, что может произойти с миссионером. Для того, чтобы сделать свою проповедь о Православии более приемлемой, миссионер неизбежно упрощает православие, спрямляет некоторые линии, подчеркивает одно (что, как ему кажется, будет способствовать его взаимопониманию с аудиторией) и предпочитает не касаться другого (что может вызвать преждевременный скандал). Это неизбежно.

Но порой чувство меры изменяет. И тогда человек прислушивается не к требованиям Евангелия и Предания, а к ожиданиям своей аудитории. Он усваивает уже не язык, а взгляды своих собеседников. Тогда миссионер слишком далеко отходит от Церкви. И – теряется. Такими потерявшимися миссионерами и создаются ереси (вспомним Оригена).

И тогда внутрицерковное, монастырское, академическое богословие должно вступать в борьбу с плодами слишком далеко зашедшей мимикрии некоторых миссионеров под вкусы языческой аудитории. Это своего рода контрмиссия, борьба против упрощения и уплощения христианства теми людьми, которые искренне хотели сделать его более понятным, более адаптированным к миру светской культуры.

б. Опасности, которым подвергает себя миссионер, очевидны. Они состоят не только в возможности еретической примитивизации Православия. Есть еще внутренние опасности, угрожающие духовному здоровью миссионера.

Для сохранения внутреннего мирного устройства полезнее всю жизнь считать себя послушником, слушателем, нежели лектором; миссионер же заходит за ту черту, на которой его остерегает апостольское предупреждение: *не многие делайтесь учителями* (Иак. 3, 1).

А из-за того, что миссионер обращается к нецерковным людям, он и сам оказывается в некотором отношении вне Церкви. Законы психологии (равно как и законы аскетики) говорят, что

от чистоты моего взгляда зависит чистота моего сердца. Где мой взгляд, где мой поиск – там и мой ум, а где мой ум – там до некоторой степени или хотя бы в ту минуту и я. Что может быть естественнее для верующего сердца, чем решение Апостола Павла – *я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого* (1 Кор. 2, 2)? А миссионеру придется знать очень многое из того, что малополезно и малоинтересно для христианина, но без пересудов о чем не могут жить его нецерковные собеседники.

Сердце хотело бы не питать себя ничем, кроме святых слов и святых книг. Но миссионерский рассудок требует со вздохом пройти мимо шкафа, в котором стоят святоотеческие творения и заставить себя развернуть книгу с языческими мудростями или бреднями (чаще всего они там перемешаны) – потому что именно об этих книгах будут завтра тебя спрашивать твои неязыческие соплеменники.

Душе было бы на пользу, если бы миссионер провел пост в монастыре. Но его зовут в те края, где монастырей еще нет, зовут для проповеди Евангелия. И там точно не удастся достичь такой собранности в молитве, какая была бы возможной при монастырской или хотя бы устойчиво-приходской жизни.

Ora et labora не всегда совместимы. И миссионер, отдающий предпочтение работе, погружающий себя в мир языческих мифов (ради обнажения их противоречий, недостаточностей и опасностей), конечно, рискует собственным духовным здоровьем.

Серьезнейшее искушение миссионера связано с отношением к нему других людей. Ведь миссионер встречает не только ненависть и сопротивление. Его проповедь будет знать и успехи. Понятно, что человек, который узнал о Христе и пришел в Церковь через усилия миссионера, перенесет на своего первого знакомого христианина ту радость и даже неофитский восторг, с которым он будет поначалу воспринимать все, освященное ореолом Церкви. Людям свойственно влюбляться в ярких проповедников; мудрость проповедуемого им Евангелия они отождествляют с человеческой мудростью самого проповедника; духовность повествуемых им святоотеческих опытов они отождествляют с жизнью самого рассказчика... И тут миссионер должен научиться быть прозрачным, научиться не воспринимать всерьез похвалы себе. Миссионер должен очень жестко, очень внятно пояснять людям, что они не должны отождествлять его и ту Церковь, в которую он их ведет. Миссионер – дверь в церковь, церковный порожек, но не вся Церковь. На пороге не стоит стоять слишком долго; в двери не надо застревать; дверной проем не надо принимать за жилое помещение. И чем по-человечески талантливее и ярче миссионер,

нер, тем более велика опасность того, что своей человеческой яркостью он в сознании своих учеников затмит духовный свет Православия. И тогда такой миссионер будет приводить людей к себе, а не к Церкви. Недавний пример о. Александра Меня свидетельствует нам об этом искушении, перед которым не устояли многие из его учеников. Многие люди шли к нему как к личности, а не через него – к полноте и разнообразию церковной жизни... Чтобы избежать такого отождествления себя с Церковью, миссионер должен постоянно подчеркивать: я – это не Церковь; Церковь богаче, чем я, духовнее, чем я, разнообразнее, чем я.

Не менее сложно, чем успех, перенести миссионерскую неудачу.

После первых дискуссионных опытов я заметил, что во мне остается какой-то неприятный осадок. Осадком этим было полусознательное раздражение по поводу человека, с которым и ради которого я и вел минувший диспут: «как же он посмел со мною не согласиться!». Мне тогда казалось, что моих знаний более чем достаточно, а мои аргументы более чем убедительны. Мне казалось, что стоит со мною на сутки запереть какого-нибудь атеиста – и он от меня чуть ли не схимником выйдет... Ну, а если он все же не согласился, не «перековался» – то это уж точно не моя вина, а признак его бессмысленного упрямства... И растет «разочарование» в людях, легко переходящее в презрение к ним и отказ от миссионерской работы – не стоит, дескать, метать «биссер перед свиньями»...

Об этом искушении давно уже предупреждал прп. Исаак Сирин, говоривший о том, что надежда на **знание рождает ненависть**. Если человек что-то делает со знанием, то есть надеясь на свое знание предмета и на свои силы, то в случае, если спроектированная человеком деятельность не достигает успеха, он начинает искать виновников своей неудачи. Промысл он отвергает. В свою собственную непогрешимость верует вполне фанатично. Первородного греха и его последствий такой человек также не признает. Дявола считает средневековой фантазией. Где же искать ему причину своей неудачи? Только в других людях, в их злокозненности. И когда он «не усматривает таинственного Промысла, тогда препирается с людьми, которые препятствуют и противятся этому»¹.

Чтобы избежать такого искушения, миссионер прежде всего должен знать, что постоянного и стопроцентного успеха ему никто не гарантирует. Напротив, Истинный Евангелист предупреждает Своих учеников о неизбежности миссионерских неудач: *ВХОДЯ В*

¹ Прп. Исаак Сирин. Творения. Сергиев Посад. 1911. С. 184.

дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших... Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой (Мф. 10, 13–14, 23).

Частные и первые неудачи не должны истолковываться как признак того, что проповедовать больше невозможно или не должно. Частные и первые неудачи еще не есть ни свидетельства личной несостоятельности миссионера, ни свидетельства наступления апокалиптических времен, закрытых для евангельской проповеди...

Следует также миссионеру избегать излишней настойчивости в своей проповеди. Ведь если человек меня не слушает – это может означать просто то, что Промысл Божий об этом человеке иной, чем мои миссионерские планы. Может быть, не сейчас этот человек должен войти в Церковь. Или не через меня.

Надо уметь терпеть не только неудачи; надо просто уметь терпеть. Не всякая проповедь приносит свой плод сразу и очевидно. Бог может действовать через нас даже скрыто от нас самих. Евангельские притчи уподобляют Царство Божие семечку и закваске. Семя не сразу приносит плод; тесто, в которое брошены дрожжи, не сразу взлетает к потолку. Бог Библии, то есть Тот Бог, Которого и от имени Которого мы проповедуем, – это Бог терпения. Св. Иоанн Златоуст обращает внимание на то, что Бог, столь скорый в созидании, создавший мир в 6 дней, говорит воинам Израиля: «Семь дней обходите Иерихон». Как – восклицает Златоуст – «Ты созидашь мир в шесть дней и один город разрушаешь в семь дней?»¹

Еще у Златоуста есть сравнение Бога с земледельцем. «Что скажет незнающий человек, увидев земледельца, бросающего зерна на землю? Он бросает готовые вещи, с таким трудом собранные, да еще и молится, чтобы пошел дождь и все это быстрее сгнило!»² Когда сеятель раздаст зерна – он может лишь терпеливо ждать урожая. Христос запрещает Апостолам прежде времени производить жатву. Даже ереси нельзя выпалывать серпом.

Труд земледельца учит терпению. «Не получали ли мы иногда детьми семян, чтобы их посеять? Не бегали ли мы потом через каждый час посмотреть, не показались ли из земли ростки? В конце концов мы часто раскапывали землю, чтобы убедиться в том,

¹ Св. Иоанн Златоуст. Беседы о покаянии VII // Творения. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1896. С. 365.

² См.: св. Иоанн Златоуст. Беседы о статуях IV // Творения. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1896. С. 58.

что семена прорастают, и добивались того, что семена не всходили. Не случилось ли нам жать или даже раскрывать руками бутон, чтобы он скорее расцвел, и не бывали ли мы очень огорчены, когда он потом увядал, испорченный нами. Мы не знали, как нужно обходиться с живым. У нас не было терпения. То, что Бог хотел создать жизнь на земле, – это откровение Его терпения»¹.

Если в миссионере не будет этой терпеливой уступчивости перед неисповедимыми путями Божия Промысла, если в миссионере не будет терпения по отношению к человеческой инаковости, неподатливости и даже по отношению к своим собственным частным неудачам – такой миссионер впадет в горделивое «разочарование».

7. Но наличие риска не есть достаточная причина к тому, чтобы запретить эту рискованную деятельность или тем более к тому, чтобы брезгливо сторониться миссионеров и их проповедей и книг.

Церковная традиция знает, что нужны разные служения, в том числе и те, которые таят в себе опасность искушений. Вспомним слова прп. Макария Великого: «Кто работает, тот о молящемся пусть говорит так: «Сокровище, которым владеет брат мой, есть общее, следовательно, владею им и я». И кто молится, тот о читающем пусть говорит так: «Чем пользуется он в чтении, то и мне послужит на пользу». И кто молится, да не осуждает работающего за то, что он не молится. И кто работает, да не осуждает молящегося»².

Не забудем и повествование Древнего Патерика о некоем монастырском экономе, которому «случилось впасть в блато невоздержания. Известно стало, что он умер и было лице его как сажа котла. Авва монастыря, как скоро увидел случившееся, собрал все братство, говоря: брат сей отошел от жизни, и вы знаете, что для вашего успокоения и безмолвия от всей души занимался он делами нашими, и как человек, прельщен был лукавым и потому из-за нас подпал он греху; давайте потрудимся прилежно за него и будем молить человеколюбца Бога. Они же, сострадав к нему за все труды его, начали со слезами поститься и молить Бога, чтоб Он помиловал его. И провели три дня и три ночи в посте, ничего не вкушая, но плача и сокрушаясь о гибели брата. И был авва в исступлении и видит Спасителя, умилолюбленного трудами братии. Дьявол же начал обвинять и говорить: Владыко, он мой; прошу Тебя, он из наших, я содействовал ему во грехе. И будучи, Господи, Судиею праведным, праведно суди.

¹ Гвардини Р. Познание веры. Брюссель, 1955. С. 16.

² Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы М., 1880. С. 23.

И сказал ему Спаситель: «Праведный Я Судия, но и милостивый, и пределом Моей правды и милости служит Мое человеколюбие. И поелику Я милосерд и человеколюбив, то благословно не презреть моления стольких святых мужей, приносимое Мне за одного уязвленного, и притом ради их самих, молящихся за то, что впал он в грех. Ибо мог и он пребывать в безмолвии, как и все в монастыре, и неуязвленным соблюстись от стрел твоих. Но по поводу дел братии, как человек, погубил себя. Пожалуй убеди их перестать умолять Меня, и тогда возьми его». Когда изрек сие Господь, диавол был постыжден и исчез. Когда вышел из исступления авва обители, то рассказал обо всем братиям, и возрадовались они. И начало лицо брата понемногу очищаться от черноты, и сделалось все чисто; и уверившись, что вчинил Господь душу его в лике спасаемых, спрятали тело и погребли его»¹.

Таков вывод святоотеческой традиции: «Если предлежат душе две вещи вредные и никак нельзя избежать одной из них: что надобно делать? – Ответ Иоанна: Из двух вредных вещей должно избрать менее вредную»². «При сравнении зол должно выбирать легчайшее. Например, когда мы предстоим на молитве и приходят к нам братия; мы бываем в необходимости решиться на одно из двух: или оставить молитву, или отпустить брата без ответа и опечалить его. Но любовь больше молитвы»³.

И в служении священника, и в служении епископа, и в служении богослова есть свои опасности – по своему не меньшие, чем в служении миссионера (обвыкание к святине, непрестанно оказываемые знаки почтения, привилегированное положение в церковной общине, доступ к власти и деньгам, возможность учительства, необходимость постоянной оценки способностей тех или иных людей к исполняемым ими церковным послушаниям...). Но, зная об этих опасностях, все же следует входить в эти служения, а не прятаться от них. Личной молитвенной сосредоточенностью, личным духовным совершенством приходится жертвовать ради того, чтобы быть с людьми и помогать им в обретении Христа.

То, что в миссионерстве есть свои опасности, не означает, что миссионерство все может быть сведено к этим опасностям. И не всегда аллергическая реакция тех или иных церковных людей на речь миссионера есть показатель «еретичности» действий и мнений миссионера.

8. Ап. Павел дает такую формулу миссионерской работы: *для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подза-*

¹ Древний Патерик. М., 1899. С. 365–367.

² Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. СПб., 1905. С. 241.

³ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. Посад. 1908. С. 201.

конных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых (1 Кор. 9, 20–22).

Святоотеческая традиция много говорит о том, что в ветхозаветные времена Слово Божие приспособлялось к уровню доновозаветного человечества. «Моисей излагал все, приспособляясь к слушателям»¹. Но ведь те, к кому мы обращаемся сегодня, во многом стоят на уровне еще более низком, чем слушатели Моисея или Апостола Павла. Можем ли мы приспособлять свою речь к их уровню понимания? Или должны говорить тем языком, которым святые старцы обращались к своим послушникам? Если ап. Павел с иудеями был как иудей, а с эллинами как эллин – что нам делать с нашими нынешними русскими собеседниками? Говорить с ними «по-эллински»? Если можно было приспособляться к древним евреям, почему нельзя этого делать по отношению к современным русским?

В святоотеческую эпоху сохранялась эта же традиция «многоязычия»: «Пока надлежало бороться с возникавшими по временам ересями, следуя предшественникам, почитал я приличным употреблять, как вынуждала к тому потребность недугующих, те и другие изречения, часто и такие, которых нет в Писании, но которые, впрочем, не чужды смыслу Писания; потому что и Апостол не отказывался для собственной своей цели употреблять нередко и языческие изречения... Тогда занимало меня обличение ереси; а теперь предполагается исповедание и простое изъяснение здоровой веры. Поэтому неприличен мне теперь и прежний образ речи. Как человек не одни и те же снаряды взял бы в руки, идя воевать и возделывать землю; так не одно и то же могут говорить и тот, кто увещевает здоровым учением, и тот, кто обличает противоречащих»². «Нельзя со всеми подвластными обращаться одинаковым образом, так же как врачам нельзя лечить всех больных одним способом, а кормчему – знать одно лишь средство для борьбы с ветрами»³.

Здоровая позиция высказана и в наше время словами Патриарха Алексия: «Я считаю, что наша молодежная работа пока не полностью раскрывает возможности Церкви. Слишком много юношей и девушек все еще очень далеки от веры. Наверное, одним из путей преодоления этого разрыва может стать развитие мис-

¹ Св. Иоанн Златоуст. Беседы на книгу Бытия 11, 3 // Творения. Т. 4. Кн. 1. С. 11.

² Св. Василий Великий. О вере // Творения. Ч. 5. ТСЛ, 1901. С. 22–23.

³ Св. Иоанн Златоуст. Слова о священстве. 6, 4 // Шесть слов о священстве. Форествилль, 1987. С. 95.

сионерства среди молодежи. Важно рассказать юному поколению о Христе, о Церкви через близкие молодым людям слова и культурные формы. В этом нет ничего необычного – во все века Церковь говорила одним языком с детьми, другим – с юношеством, третьим – со зрелыми людьми, четвертым – с пожилыми»¹. «Я думаю, что в нашем секуляризированном обществе, во многом бездуховном обществе, которое стало таковым за 70 лет, не всегда можно на церковном языке доносить истину до сознания, до ума, до сердца людей. Поэтому приходится говорить на языке, понятном для сегодняшнего человека, человека XX в., а не прошлого века, донося то же самое учение Христа Спасителя до сознания, восприятия, до сердец тех людей, которые сегодня хотят воспринять слово Божие». Патриарх Алексий².

Но, увы, *не у всех такое знание* (1 Кор. 8, 7).

9. В течение многих столетий (и уж тем более во времена советского запрета на религиозную проповедь) единственной формой проповеди была проповедь внутрихрамовая. Естественно, она стала считаться единственно нормативной. Но ведь это проповедь, обращенная к уже своим. Это проповедь, которая изначально предполагает вознесенность проповедника над паствой и согласие самой аудитории на такое положение. Светские же люди очень болезненно реагируют, если церковный проповедник начинает с ними говорить в этой столь привычной для него интонации и самым тоном своей речи «вещать» и «наставлять», говорить сверху вниз...

Храмовый проповедник обращается к тем, кто уже сознательно пришел на Богослужение. Миссионеру же нередко приходится говорить с теми, кто почти случайно оказался на встрече с ним. Если проповедь приходского священника окажется скучна, люди подремлют десять минут, но затем вернутся к молитве, то есть к главному в храмовой жизни. Если проповедь миссионера покажется его аудитории скучной – то они останутся не в храме, а в своем светском мирке и, отождествив скучность услышанной ими проповеди со всем «этим тоскливым православием», проведут линию своей жизни мимо Церкви, мимо спасения.

В результате миссионер должен так вести себя, такие аргументы и уподобления находить, к таким светским авторитетам звать, что его поведение весьма и весьма будет отличаться от поведения приходского или монастырского златоуста. Один священник, чей приход располагается в военном городке, однажды сказал мне, что за год общения с солдатами у него выработалось

¹ Патриарх Алексий. Я верю в наш народ! // Комсомольская правда. 17. 02. 1999.

² http://www.cofe.ru/blagovest/article.asp?ARTICLE_ID=126

правило: «Если в течение десяти минут аудитория ни разу не расмеялась – значит, я ее потерял». Ведь у солдата один основной инстинкт: поспать. И тут его приводят в натопленное помещение, предлагают сесть, офицеры выходят, зачета по услышанному сдавать не надо... Как удержать солдат от сползания в сон? Воспроизведение семинарской лекции тут никак не поможет. А потому приходится шутить, приходится приближать монастырские случаи и советы к реалиям солдатской жизни...

И если эту беседу или ее магнитофонную запись случайно услышит бывший семинарский преподаватель этого священника – у него будут все основания воскликнуть: «Да разве так я ему излагал этот материал! Разве так я беседовал с семинаристами!» Конечно, не так. Но не все на свете – семинаристы...

Христос брал примеры для Своих проповедей из той бытовой Среды, в которой Он в эту минуту находился. Беседует Он с горожанами – говорит о купцах. Беседует с рыбаками – и Царство Божие уже подобно неводу. Беседует с землепашцами – и вот уже притча о сеятеле. Говорит со скотоводами – и мы видим притчу о добром пастыре.

Вот вопрос для богослова: что значит подражать Христу в этом отношении? Будет ли истинным учеником Христа тот, кто будет только воспроизводить эти притчи и те бытовые обстоятельства, что в них упомянуты, невзирая на то, что обращается он не к пастухам и не к торговцам? Или же быть учеником Христа в этом смысле означает, подобно Христу, брать притчевые зарисовки из современной жизни – в том числе из жизни компьютерщиков?

Как понять «истинный пастырь зовет овец по имени» человеку из северных краев, где нет овцеводства? Мне самому эта притча была неочевидна, пока я не побывал на Балканах. Умом-то вроде все было понятно, а вот сердечной очевидности все же в этих словах для меня не было. И так было, пока в одном румынском монастырьке я не увидел своими глазами – что это значит. Монастырек этот (скит Покров у Нямецкого монастыря) расположен посреди небольших гор. В нем было всего четыре насельника. И несколько сот овец. И вот настает вечер. Настоятель скита выходит во дворик, открывает ворота и кричит что-то к горам, со всех сторон возвышающимся над скитским заборчиком. И тут как будто снежная лавина сошла с гор. Овцы, доселе спрятанные за деревьями, вдруг выскочили и ринулись вниз, на голос пастыря... Овечий пастух, оказывается, идет впереди стада, поет и голосом своим ведет отару. А у нас, в северной Руси, пастух идет позади своих коров и бичом подгоняет их. Разный образ пастырства...

Так можно ли использовать материал современной жизни для проповеди о Христе? Можно ли брать примеры из технологичес-

кого общества, или нам так и должно оставаться в мире пасторальных идиллий? Ответ на этот вопрос я нахожу у святителя Феофана Затворника. В его книгах и особенно письмах встречаются удивительно смелые внедрения современного бытового материала в ткань церковной проповеди: «Действие телеграфа – наша молитва. Мы и святые – как бы два аппарата однородные, среда, в коей святые и коею окружены души наши – это проволока»¹. «Память Божия – базис стратегических операций ваших против страстей»²...

И евангельские притчи, подернутые благородной паутиной времен, кажутся нам сегодня вознесенными над бытовой суетой. Но ведь евангельскую притчу о продавце жемчуга на современном языке следовало бы переложить так: Некий человек, узнав, что акции «Газпрома» быстро растут в цене, идет и продает имеющийся у него доллар, на эти деньги покупает акции «Газпрома», чтобы потом их продать по еще более дорогой цене, и так наживается... Вот чему уподоблю царство небесное.

Некрасиво? Неблагородно? А кто сказал, что Христос хотел выразиться красиво и благородно? Ведь Его проповедь – это призыв к спекуляции. Вам дан малый талант, вдобавок дан вам несправедно; вами он не заработан, а просто вверен для временного хранения. Вы же должны этими невесть откуда взявшимися деньгами распорядиться так, чтобы извлечь максимальную прибыль. Тебе дано несколько лет жизни на земле. Так обменяй их на Вечность! Потрать эти годы и силы так, чтобы они принесли тебе неслыханное богатство: Жизнь Вечную. Бог тебе дал эти дары – а ты сделай так, чтобы не ты был должником у Бога, но Он – твоим должником!.. Вот подступает святитель Иоанн Златоуст к разъяснению притчи о десяти девах и спрашивает – «Кто продавцы елея? – Бедные, ради милостыни сидящие перед церковью. А за сколько продается он? За сколько хочешь: цены не назначено. Есть у тебя овол? Купи небо, не потому, что небо дешево, но потому что Господь человеколюбив. Нет у тебя овола – подай чашу холодной воды. Предметом купли и продажи – небо, а мы не заботимся!»³ Простить долг своему обидчику – значит сделать своим вечным должником самого Творца неба и земли. Дать милостыню нищему – значит дать в долг (под расписку!)⁴ Самому Богу.

¹ *Св. Феофан Затворник*. Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться. М., 1914. С. 55.

² Там же. С. 191.

³ *Св. Иоанн Златоуст*. Беседы о покаянии. 3, 2 // Творения. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1896. С. 324.

⁴ См. рассказ «Евагрий философ, обращенный к вере епископом Синезем» в «Духовном луге» (*Иоанн Мосх*. Духовный луг. С. 238).

Увы, этой благословенной святоотеческой дерзости так не хватает нашей сегодняшней проповеди. Расскажу я притчу о «Газпроме» – освистают. Попробуй проповедник сказать, что, мол, знаете, духовная жизнь похожа на футбольный Кубок УЕФА: мало выиграть первый матч; итог определяется по сумме двух встреч... – И немало нахмуренных бровей озабоченно-осуждающе сойдется на переносицах православных. Но отцы древности не стеснялись сравнивать духовную жизнь со стадионом, с состязаниями колесниц, бегунов, борцов и даже с цирком¹. Правда, русские переводчики прошлого века «облагораживали» их речь: ну что говорить о стадионе или гимнастическом зале – «Ристалище»!

Начал я читать лекцию, в которой пробовал со светскими студентами заговорить о покаянии, крещении, вечной жизни, отталкиваясь от знакомого и интересного им материала – от фильма «Титаник»... И сразу по церковным кругам понесся шепоток: «Кураев совсем с ума сошел: призывает американские фильмы смотреть!» Да ведь, милые мои, этот фильм люди посмотрели еще до того, как я статью про «Титаник» написал, и обращаюсь я к светским людям, а не к монахам. Миссионер может (и должен уметь) начинать разговор с любой темы. Неважно, откуда начать разговор о Христе (хоть с фильма «Титаник»). Важно, чем его закончить («Жарко так сегодня... Вообще все это лето небывало жаркое. К концу света, наверно... Кстати, что вы думаете об Апокалипсисе?»)

И говорить можно по-разному: важно, чтобы в конце концов человек смог с интересом и с пониманием обратиться к книгам святых отцов.

Однако инерция привычки, инерция речи в очень многих церковных людях провоцирует осуждение тех миссионеров, которые предлагают иные языки для проповеди Евангелия за пределами Церкви. Их обвиняют в неблагочестии, модернизме, «протестантизме» и т. п.

Очень важный для меня урок я получил на самом пороге семинарии. Первую неделю после поступления лучшие преподаватели читали нам вводные лекции (не задавая при этом домашних уроков). Была и экскурсия по Лавре и по академическому музею (Церковно-археологическому кабинету). Священник, который знакомил нас с миром икон, начал рассказ с цитаты из Шопенгауэра:

¹ «И для детей у церкви есть венки. Подобно цирку и гимназии, она награждает ими не мужей только», – писал Климент Александрийский (Строматы 4, 11), поясняя, что награда в Царстве Божиим может быть дана даже немудрым (немудрые, подобно детям, «идут путем не тем, каким следовало бы», потому что желают от Бога получить посмертную награду, а не руководствуются в своих поступках любовью к Самому Богу).

«Перед произведениями высокого искусства надо вести себя как в присутствии Высочайших Особ. В их присутствии нельзя заговаривать первым. Надо смиренно ждать – когда они удостоят нас своего слова». Так и с иконой. Нельзя торопиться и спешно выносить свои суждения о ней – суждения, порожденные сиюминутной модой. Икона далека от современных стандартов красоты. Она кажется примитивной, неумелой. Но не торопитесь, взгляните в нее... И тут рассказчик привел неожиданное уподобление: «Если вы впервые летите самолетом, вам же ведь и в голову не придет пойти в кабину пилотов и начать давать им указания: знаете, мне кажется, что вот этот рычажок у вас неправильно стоит. Лучше поверните его вот так! А еще, если у вас тут загорится вот эта лампочка – то будет гораздо красивее!» Странно, что современная интеллигенция забывает об этом элементарном правиле поведения (некомпетентен – не критикуй), когда речь заходит о Церкви. Человек не успел еще войти в церковную жизнь, не научился толком исповедоваться и молиться, не знает еще ни церковной истории, ни богословия – а уже дает советы: вот это в церковной жизни изменить, вот здесь пореформировать!»... На следующий день другой семинарский преподаватель спросил меня о первых впечатлениях. Я рассказал ему о том, что было сказано в музее. К моему удивлению, мой собеседник нахмурился. И затем бросил: «Да как он посмел Церковь с самолетом сравнить!»

Итак, миссионер должен быть готов к тому, что его усилия вызовут отчуждение и недоумения у людей, чья деятельность не выходит за пределы Церкви.

10. Только ли в силу общего закона редкости таланта в наших священниках совсем не часто встретишь искреннего и зажигающего проповедника или даже просто сочувствующего и понимающего пастыря? Или же наше молчание, столь громогласное и скандальное сегодня, когда Россия ждет слова пастырского, а слышит лишь призывы сектантов, есть следствие каких-то непреодоленных наших собственных искушений, каких-то особенностей нашей церковной жизни? Мне кажется, что причину нельзя указать лишь в «политическом» или «культурном» климате. Уже в прошлом веке св. Феофан Затворник в сердцах воскликнул: «Заснули все и живем спустя рукава... Вся беда в полах молчащих! Надо гайдуков нанять и всех их пооттаскать за аксиосы»¹.

Секты примитивнее Православия, и если сегодня секты привлекают к себе большое число людей, то это не потому, что их

¹ Св. Феофан Затворник. Собрание писем. Вып. 7. М., 1994. С. 162 и 119. «Аксиосы» – это, очевидно, «семинаризм», означающий косы. После рукоположения, которое совершалось с многократным возглашением «аксиос» («достойн!»), священнослужитель не стригся, но носил длинные волосы.

учение глубже и вернее, а потому, что сами православные плохо знают богатство своей церковной традиции и еще хуже умеют делиться этим богатством с людьми нецерковными.

Оставим сейчас в стороне политические, финансовые и прочие причины успеха протестантских миссий в России. Но вот после того, как самым скрупулезным и документированным образом будут изучены механизмы сектантской экспансии в Россию, надо же будет когда-нибудь задаться и вопросом: «Мы-то где были? Почему наше слово не достигало человеческих сердец?» «Мы совершенно забыли, что виноват тот, кто прав: если я обладаю истиной и неспособен ее передать, чего же я могу требовать от того, кто заблуждается и не может найти истину во мне?» (митр. Сурожский Антоний¹).

Как бы ни были «зловредны» разрушители Православия – они не более чем микробы. Болезнь проявляет себя лишь тогда, когда ослаб сам организм. Каждый из нас носит в себе едва ли не все болезнетворные микробы – но для того, чтобы в конкретном организме проявилась конкретная болезнь – нужна ослабленность именно этого тела. И если столь успешно действуют секты в России – значит, больны и слабы мы, значит, мы не можем быть просто самими собой, а потому и превращаемся в колонию микробов. Мы молчим – и потому так слышны их в общем-то слабенькие голоса. Молчим же мы не оттого, что нам нечего сказать и не оттого, что не умеем. Молчим оттого, что не чувствуем потребности в том, чтобы говорить и свидетельствовать. В нас не воспитана потребность делиться духовными дарами.

В вероучении нашей Церкви нет никаких препятствий для осуществления миссии (в том числе и мирянами). Но если с таким трудом и скрежетом возобновляется миссионерская жизнь в нашей Церкви в нынешние годы – значит, есть какая-то инерция сопротивления миссионерскому служению. И эта инерция не просто в привычках старшего поколения служителей и прихожан. Есть еще нечто в нашей церковной жизни, что воспроизводит эту антимиссионерскую инертность в новых поколениях церковных людей.

С горечью приходится признать, что наши Духовные школы не готовят миссионеров, не пробуждают в студентах жажду миссионерского служения и не дают знаний, необходимых для миссионерства в современном мире. Практически все сколь-нибудь заметные сегодня миссионеры, церковные публицисты, проповедники, даже богословы – это люди, получившие образование, на-

¹ Митр. Сурожский Антоний. Заметки о трудностях и надеждах экуменического диалога // Русская мысль. 19.07.1997.

выки мысли и речи в светских университетах (за исключением проф. А. И. Осипова и свящ. Олега Стеняева).

Хуже другое: нынешняя церковная среда не только не умеет воспитывать миссионеров, но и практически не оказывает им помощи (какому конкретному миссионеру и чем помог «Миссионерский Фонд?»). Слова о поддержке миссионерства, которые раздаются с высоких архиерейских кафедр, останутся словами, ибо люди видят, что награду быстрее получит не тот священник, что пишет книги, а тот, который строит храм, а в епархиальном управлении ласковее смотрят на настоятеля богатого прихода, чем на семинарского или университетского преподавателя в рясе. Съезды епархиальных миссионеров – это до сих пор всего лишь слеты «белых ворон».

Их главная польза в том, что редкие священники-миссионеры, на которых косятся в их родных епархиях, вдруг получают возможность собраться вместе и во взаимном общении утвердиться в понимании того, что их путь все же нужен Церкви (хотя и малопонятен их сослужителям).

Еще хуже то, что нынешняя церковная среда не умеет терпеть своих миссионеров. В нашей Церкви сегодня невероятно много людей, добровольно и самовольно возложивших на себя обязанности цензоров и спасателей Православия. Митрополиты и профессора богословия, приходские священники и церковные публицисты – все они в сознании этих «ревнителей» попадают в положение «условно освобожденных». В поведении всех публичных проповедников эти «ревнители» выискивают малейший повод для торжественно и радостно провозглашаемой «анафемы». Террор немоты начинает нависать над нашей церковной жизнью. Кампания по травле одного проповедника сменяется кампаниями по травле другого: то митрополит Кирилл, то проф. Осипов, то митр. Антоний, то митр. Филарет торжественно объявляются ересиархами...

И если сформировавшийся человек, уже сделавший свой выбор, видя это и испытав первые удары по себе, еще сможет устоять на пути миссионерского делания, то семинарист или молодой священник, пару раз получив по рукам за «неканоничные» примеры в своих беседах или статьях, в конце концов пойдет путем наименьшего сопротивления – то есть просто замолчит...

В нашей сегодняшней церковной психологии за человеком не признается права на ошибку. Малейшая неточность (или то, что кажется неточностью) вызывает самодовольный шепот: «ага, вражина жидомасонская, проговорился!»

Самое же печальное – это то, что Церковь не молится о своих миссионерах.

Вслушаемся в службу праздника Апостолов Петра и Павла. Прихожане воспитываются не призывами Синода, а строем Богослужения и теми мыслями, которыми пропитаны богослужбные книги. Реальное отношение Церкви II тысячелетия к миссионерству ярче всего видно из службы Апостолам Петру и Павлу: ибо это тот день, когда Церковь, уж казалось бы, должна ощущать себя именно апостольской и должна была бы молиться о том, чтобы ее члены подражали апостольскому служению.

Но о чем же просят молитвы этого дня? – «Разреши от уз греховных вся возхваляющие тя» (2-я стихира на стиховне); «молися разрешение бед низпослати скорбящим нам» (3-я стихира на стиховне); «мир миру даровати» (стихира на литии); «спастися душам нашим» (2-я стихира на литии); «утвердите стадо» (Слава на литии); «молите грехов оставление даровати» (седален по 1-й кафизме)... И нет ни одного обращения к Апостолам с прошениями типа «молите, да дарует и нам Господь разум к проповеданию святаго Евангелия Своего»; «молите, да просветятся Божиим просвещением труждающиеся на ниве проповедания святаго Православия», «молитесь да споспешествует Божия всепобеждающая сила нашим благовестником»; «молитися о низпослании в сердца служителей церковных ревности в проповедании слова Божия»...

Служба Апостолам Петру и Павлу сложилась в имперскую эпоху, когда церковное сознание исходило из уравнивания вселенная = империя = христианский мир = Церковь. Все граждане Империи и так православны, и потому миссионерское, апостольское служение уже не нужно. Апостолы теперь просто обычные ходатаи о наших грехах, подобно преподобным, благоверным императорам и иным подвижникам благочестия. От пустытника, ушедшего из мира, и от Апостола, посланного Христом в мир, ожидается одно и то же.

Современное богослужбное сознание очень чутко выявляет малейшие нюансы в житиях святых и соотносит их с тем, какой именно дар будет испрашиваться у Бога через посредничество именно этого угодника. От целителя Пантелеимона (в миру врача) будет ожидаться именно исцеление от телесных болезней. К мученику Уару (молившемуся о своих некрещеных родственниках) будут обращаться с просьбой о поминании некрещеных близких. Мученика Вонифатия (бывшего некогда пьяницей) просят об избавлении от пьянства... Казалось бы, только естественно было бы при обращении к Апостолам испрашивать помощь тем, кто должен продолжать апостольское служение, помощь миссионерам... Но этого нет. Наши богослужбные книги и, соответственно, наши общецерковные молитвы не замечают, что живем мы

уже в другом мире, совсем не в том, в котором можно было видеть совпадение между границами мира, Империи и Церкви.

Сохранился и ревностно соблюдается апостольский пост. Современным православным он даже стал более дорог и ценим, чем прежним. Ведь при переходе на новый стиль (при условии сохранения старой пасхалии) Петров пост может в иные годы совсем исчезать (если Пасха будет поздней, Троица может оказаться столь близкой к 29 июня, что не останется времени для поста). Человек особо ценит то, что может потерять: поскольку переход на новый стиль угрожает утрате Петрова поста – то этот летний пост особенно становится ценим ревнителями церковных традиций.

И вот каждый год благочестивые толкования объясняют нам смысл этого апостольского поста: «Церковь призывает нас к посту, по примеру св. Апостолов, которые в посте и молитве готовились ко всемирной проповеди Евангелия»¹... Но вот что странно: для Апостолов пост был средством, чем-то служебным для их цели. Целью же была проповедь Евангелия. А нами сегодня именно средство блюдетсся со всею тщательностью, вот только цель, ради которой это средство блюдетсся, как-то забылась. Кто из православных отправляется на проповедь в Петров день (12 июля по новому стилю)? Кто в подражание Апостолам постится до 12 июля с тем, чтобы 13-го уподобиться Апостолам и в том, чтобы уйти в миссионерское путешествие (хотя бы в соседний детский летний лагерь)? Хорошо, предположим, что миряне не должны нести апостольское служение и браться за «самочинную проповедь». Но что же духовенство? Для нас в промежутке между Петровым и Успенским постами начинается пора летних отпусков...

Так чем же отмечаем мы сегодня день Апостолов? Усиленной проповедью Евангелия? Тем, что выходим в этот день из наших храмов в людные места? Или же обильным разговлением, а нередко и возлиянием? В день Апостолов нам нечего сказать о сути апостольства: «Завтра день св. Апостолов Петра и Павла. А значит – заканчивается Петров пост» (Телепередача «Ортодокс» от 11.07.98 г.).

Апостолы постом готовились к миссионерскому подвигу. А мы? Почему мы подражаем Апостолам в подготовке, но не подражаем в самом подвиге? Представьте, что мы узнаем, что св. Александр Невский перед тем, как выйти на бой с тевтонцами, изготовлял и примерял себе кольчужку... И вот мы решили подражать св. князю Александру. По пять раз в день мы примеряем коль-

¹ Прот. Г. С. Дебольский. Дни Богослужения Православной Церкви. Т. 2, М., 1996. С. 40.

чужку, выясняем, коротка она или нет, просим кузнеца добавить еще пару рядов защитных колец... А вот на сам бой не идем. И вместо Чудского озера едем отдохнуть к Черному морю... Абсурд? Но именно таково наше «подражание» Апостолам...

Но главное здесь – даже не наше поведение, а наши молитвы, точнее – их отсутствие. Церковь молится о солдатах, причем нередко о чужих солдатах – солдатах неправославных государств, – но не молится о своих миссионерах. Церковь не молится о том, чтобы в ее служителях и членах умножился дар именно апостольского служения – благовестнического. Церковь не просит этого дара. Он ей и не дается. Проповедь наша молчит.